

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29

EDN: JCLEMN

Научная статья / Research article

Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход

Н.И. Харитонова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

 natahari@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности в условиях становления полицентричного мирового порядка. В качестве ключевых выступили такие факторы, как гибридизация конфликтных взаимодействий в современном мире, актуализация цивилизационного подхода в практической международной политике, а также легитимность, в той или иной мере присущая коллективным действиям. Цель исследования — дать ответ на вопрос, сохранятся ли в будущем за международными организациями роль регуляторов и страховочных механизмов от новых глобальных конфликтов. В числе задач — охарактеризовать международный контекст, формирующий и одновременно отражающий изменения в природе конфликтности, выявить ключевые изменения в природе современных конфликтных взаимодействий, а также определить новые требования к системам коллективной безопасности в условиях полицентричного мира. Параметры рассматриваемой проблемы определяются тем, что природа конфликтов существенно трансформировалась за последние полвека и продолжает меняться, в то время как изменения в базовых принципах существования международных организаций либо не происходят вовсе, либо представляют собой достаточно скромные попытки определить приемлемые для мирового сообщества форматы. Именно этот разрыв выступает в качестве одной из ключевых проблем современной мировой политики, отражающих структурные изменения в системе международных отношений. В качестве методологической базы исследования наряду с системным анализом был привлечен триадический подход, позволяющий определять комплексные характеристики тех или иных явлений. Применение триадического подхода с целью определения характеристик современных конфликтов (путем «сопряжения» феноменов стратегии, суверенитета и гибридности) и систем коллективной безопасности в условиях полицентризма (используя триаду «цивилизация — коллективные действия — безопасность») позволило определить основные параметры изменений природы современных конфликтов в переходный период и требования к системам коллективной безопасности в новых международно-политических реалиях, а также наметить контуры новых подходов к анализу международной обстановки с учетом современных глобальных потрясений.

Ключевые слова: гибридная война, коллективная безопасность, цивилизация, полицентричность, международная система, новый миропорядок, суверенитет

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Харитонова Н. И. Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 18–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29>

© Харитонова Н.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Nature of Contemporary Conflicts and Prospects for Adapting Collective Security Systems: A Triadic Approach

Natalia I. Kharitonova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

 natahari@yandex.ru

Abstract. The study focuses on the analysis of the nature of modern conflicts, and the prospects for the adaptation of collective security systems in the context of the emergence of a polycentric world order. The analysis draws upon three key factors: the hybridization of conflict interactions in the modern world, the actualization of the civilizational approach in practical international politics, and the legitimacy more or less inherent in collective actions. The purpose of the study is providing an answer to the question of whether international organizations will continue to play the role of regulators and insurance mechanisms against new global conflicts in the future. The study's tasks are threefold: first, to characterize the international context that both shapes and reflects changes in the nature of conflict; second, to identify key changes in the nature of modern conflict interactions; third, to determine new requirements for collective security systems in a polycentric world. The parameters of the problem being analyzed are determined by the fact that the nature of conflicts has changed significantly over the past half-century and continues to change, while changes in the basic principles of the existence of international organizations have either not occurred at all or represent rather modest attempts to define acceptable formats for the world community. This discrepancy signifies a pivotal challenge in contemporary world politics, exemplifying systemic transformations within the international relations framework. The methodological framework of the study incorporates a triadic approach, facilitating the identification of intricate characteristics that define specific phenomena. The use of the triadic method in order to determine the characteristics of modern conflicts (by “coupling” the phenomena of strategy, sovereignty and hybridity) and systems of collective security in the context of polycentrism (by “coupling” the phenomena of civilization, collective action and security) made it possible not only to determine the main parameters of changes of the modern conflicts nature in the transition period and the requirements for collective security systems in the new international political conditions. Furthermore, it has facilitated an exploration of future trends in order to outline the contours of new approaches to analyzing the international situation, taking into account the experience of the current global upheavals.

Key words: hybrid war, collective security, civilization, polycentricity, international system, new world order, sovereignty

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kharitonova, N. I. (2025). The nature of contemporary conflicts and prospects for adapting collective security systems: A triadic approach. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 18–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29>

Введение

Нынешнее поколение становится свидетелем наступления новой эпохи в истории международных отношений. Как и любой другой переломный момент в мировой истории, особенно если речь идет о смене эпох, он сопровождается турбулентностью, эрозией или полным сломом несущих конструкций старой системы, глубокой структурной перестройкой. Субъекты мировой политики по-разному реагируют на наступившие изменения и с тревогой ожидают дальнейших трансформаций, которые неизбежно и неотвратимо наступят.

Ключевыми на этом этапе являются следующие вопросы:

— К какому результату приведут эти изменения?

— Чего ждать от новой международной системы?

— Что будет лежать в ее основе?

— Насколько эффективными будут правила, на которых эта система будет зиждиться?

— Кто и каким образом будет обеспечивать безопасность международных отношений, их субъектов и определять статус последних в этой системе?

Это далеко не полный перечень вопросов, каждый из которых требует отдельного рассмотрения.

Ялтинско-Потсдамская система, продемонстрировавшая завидную устойчивость в условиях противостояния двух сверхдержав, складывалась в годы Второй мировой войны. Документы, регламентирующие порядок ее функционирования, типа Устава Организации Объединенных Наций (ООН), легшего в основу современного международного права, пронизаны мирной риторикой и превозносят мир как высшую ценность. Однако поколения, которые познали все ужасы войны и получили «прививку от нацизма», уже отошли от руководства странами и международными структурами. И страх перед войной отступает не только у правящих элит, но и у современного общества. Так называемая «культура отмены» и «война с памятниками», развернутые кампании по переписыванию истории, то есть ее фальсификации (Лещев, Харитонова, 2016), призваны стереть из коллективной памяти целых народов остатки и страха, и уважения к павшим, и патриотизма. Поэтому нынешний переходный период несет в себе риски развязывания новой глобальной войны. Очевидно, что фактор ядерного оружия и относительно универсальный механизм военной эскалации автоматически придают возможной Третьей мировой войне тотальный характер и делают анализ конфликтного потенциала современного мира актуальным и востребованным не только наукой, но и международно-политической практикой.

Однако какие бы параметры и специфические черты ни обрела потенциальная глобальная война, фактом остается глубокая перестройка системы международных отношений, сопровождаемая конфликтами разной степени интенсивности. При этом яркий атрибут Ялтинско-Потсдамской эпохи в виде систем коллективной безопасности, оформленных как межправительственные организации, чаще всего оказывается неспособным эти конфликты предотвратить или воздействовать на них таким образом, чтобы сократить масштабы кровопролития (достаточно

вспомнить Лигу арабских государств в период «арабской весны»). Это автоматически ставит вопрос не столько об эффективности таких систем, но и о причинах слабой адаптации их функционала к реалиям переходного периода, а также перспективах этих систем в условиях нового мирового порядка.

Статья является приглашением к дискуссии о природе современных конфликтов и будущей судьбе систем коллективной безопасности в условиях актуализации цивилизационного подхода в практической геополитике. В качестве методологической базы исследования наряду с системным анализом был привлечен триадический подход, позволяющий определять комплексные характеристики тех или иных явлений. Необходимо отметить, что в этом исследовании не проводилась граница между понятиями «конфликт» и «война» ввиду объемности этого дискурса в политологии, конфликтологии, военной науке и т. д., акцент делался на конфликтности в целом, изменении ее природы, гибридизации конфликтных взаимодействий.

Международный контекст

При анализе природы конфликтности и перспектив систем коллективной безопасности (в связке «вызов — ответ») важен учет международного контекста, который и формирует, и отражает изменения в предмете анализа. Одна из ключевых характеристик переходного периода — это турбулентность в системе международных отношений. Явление, в целом знакомое международникам, в текущих условиях, тем не менее, имеет ряд отличительных особенностей. Мы наблюдаем одновременно тенденции конкуренции, соперничества и сотрудничества при беспрецедентной гонке вооружений, а также повышенную конфликтность, которая порождается как столкновением сил крупных игроков, так и «вакуумом силы», возникшим вследствие неисполнения обязательств той страной, которая последние 30 лет позиционировала себя в качестве мирового гегемона. В результате мы видим беспрецедентное обострение военно-политической обстановки в Евразии, дальнейшую поляризацию подходов к проблеме

определения параметров нового мирового порядка, углубление конфронтации и рост конфликтного потенциала в отношениях между старыми и нарождающимися мировыми центрами силы.

Современная российско-американская конфронтация представляет собой борьбу двух мировоззрений и двух разных подходов к будущему мироустройству. Однако это противостояние является не единственным сюжетом в стремительно меняющейся мировой обстановке. Специалисты отмечают важность того, что оно протекает в условиях, которые складываются один раз в несколько столетий, — наблюдается процесс структурного перераспределения силовых и ресурсных потенциалов в мире, который затрагивает Россию и Соединенные Штаты только отчасти¹. В долгосрочной перспективе центр мирового производства и потребления окончательно переместится в Азию. В этом контексте очередной этап противостояния Москвы и Вашингтона хотя и останется одним из ключевых вопросов международной повестки, но далеко не единственным. Все больший вес будут обретать проблемы взаимоотношений в треугольнике «США — Китай — Индия».

Не менее актуально понять, каким может в итоге стать полицентричное мироустройство с точки зрения безопасности? Гипотетически в идеальных условиях полицентричная система позволит более эффективно разрешать уже существующие конфликты и не допускать появления новых. Однако нет твердой уверенности, что по мере становления многополярного мироустройства амбиции зарождающихся центров силы не приведут к разжиганию новых конфликтов на фоне неурегулированных старых (Huntington, 1996). Разумеется, наблюдая кровопролитные конфликты, разыгравшиеся в Восточном полушарии в последние десятилетия, мы желаем видеть новое мироустройство более безопасным и справедливым.

¹ Сушенцов А. Некуда торопиться: долгая конфронтация России и США // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.01.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nekuda-toropitsya-dolgaya-konfrontatsiya/> (дата обращения: 20.01.2024).

Безусловно, нынешняя турбулентность в системе международных отношений несет в себе массу угроз и вызовов глобальной и региональной безопасности. Однако одновременно она представляет собой возможность, шанс для мирового сообщества переосмыслить и отбросить те устаревшие конструкции, которые более не способны обеспечивать мир в новых условиях. Речь идет и о структурных изменениях в системе международных отношений.

Мир движется к полицентричности, это объективный исторический процесс, и есть все основания полагать, что новая многополярность будет не просто системой отношений равных, но эти отношения будут носить подлинно демократический характер на основе уважения интересов друг друга и ориентации на поиск компромиссов при выборе путей мирового развития. Во многом прототипом такой модели сейчас выступает БРИКС. Более того, мы ожидаем, что новый баланс сил будет выстраиваться на новой экономической базе, которая больше не будет основываться на монополии отдельных стран в отдельных секторах мировой экономики и финансов, то есть подразумевается формирование более справедливого мирового порядка.

Размышления об итогах нынешнего геополитического противостояния, которое в своей основе имеет противоречия, связанные с конкуренцией двух мировых порядков и двух видений будущей системы международных отношений, как правило, выводят на один из ключевых вопросов — сохранится ли за международными организациями роль регуляторов и страховочных механизмов от новых глобальных конфликтов? Проблема усугубляется тем, что природа конфликтов существенно изменилась за последние полвека и продолжает меняться, в то время как трансформация базовых принципов существования международных организаций либо не происходит вовсе, либо представляет собой достаточно скромные попытки определить приемлемые для мирового сообщества форматы. Именно этот разрыв выступает в качестве одной из ключевых проблем современной мировой политики, отражающих структурные изменения в системе международных отношений.

Природа современных конфликтов

Многие современные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что современные конфликты независимо от их масштаба и конфигурации позиций сторон большей частью носят гибридный характер (Акулинин, Епифанова, 2015; Чижевский, 2016; Бартош, 2017; Соколова, 2017; Кучинская, 2018; Попов, 2019; Тиханычев, 2020; Van Creveld, 1991; Hoffman, 2007; Kilcullen, 2009; Kaldor, 2012; Hybrid Warfare..., 2012). При этом неизменной характеристикой гибридных конфликтов или гибридных войн выступают посягательство на суверенитет. Другими словами, отличительным признаком «гибридной войны» (в отличие от общепринятых определений понятия «война») является то, что это, по сути, наступательная стратегия, которая нацелена на лишение страны-жертвы политического суверенитета (Максимов, 2021).

В свою очередь, суверенитет в известной степени обладает самоценностью, выступая в традиции политического реализма в качестве неперемennого атрибута состоявшегося государства. При этом, как известно, каждое государство, вступая во взаимодействие с другими государствами, например в рамках международных (прежде всего межправительственных) организаций, добровольно поступает частью суверенитета, приобретая взамен определенные блага — экономические преференции, гарантии безопасности, более широкие возможности гуманитарного сотрудничества и проч. При этом государство зачастую реализует определенную стратегию повышения своей значимости на международной арене или в конкретном регионе, формирования пояса дружественных государств, продвижения своих ценностей и т. д. В этой части нелишним будет указать, что традиционные три столпа внешней политики государства — интересы, безопасность и престиж — как некое универсальное правило пока сохраняют актуальность, хотя сам такой подход подвергается проверке в условиях перестройки мирового порядка.

В этой связи интерес вызывает взаимодействие феноменов стратегии, суверенитета

и гибридности в контексте размышлений о природе современных конфликтов. Попытка определить это взаимодействие производилась с опорой на концепцию тройственности качественной определенности (идея триадичности качества), идеи И.Г. Фихте о триадических умозаклчениях и Р.Г. Баранцева о семантике триадической структуры (Баранцев, 1998; 2000), так как качественный анализ и качественное моделирование обладают когнитивной ценностью, поскольку позволяют генерировать категориальные комбинации разнообразных форм. Другими словами, триада обеспечивает полноту описания объекта на текущем уровне детализации (дешифровки) при соблюдении требования минимума содержания². Поэтому триадический подход как один из универсальных когнитивных инструментов, представляющий методологию категориальных схем, был использован для определения специфики природы современных конфликтов.

Большинство классиков военной науки рассматривают войну (в порядке максимального обобщения понимаемую прежде всего как масштабный конфликт) как явление политического порядка. Тем не менее значительная часть определений понятия «война», характеризуя цели такого типа взаимодействия между акторами международных отношений, не содержит упоминания о намерении лишить суверенитета страну, в отношении которой развязывается война (Козырев, 2013). В свою очередь гибридная война (или гибридный конфликт) имеет целью именно лишение противника суверенитета и перевод его территорий и сфер влияния под свой геополитический контроль. Последнее реализуется с учетом того факта, что «непосредственный контроль тех или иных пространств сейчас может нести больше издержек, чем выгод, а влияние непрямыми способами намного эффективнее»³. И здесь как раз

² Разумов В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых : учебное пособие. Омск : Омский государственный университет, 2008. С. 81, 125, 261.

³ Лукьянов Ф. Нынешняя «Третья мировая война» будет растянутой во времени и распределенной в про-

ключевую роль играет стратегия (военная стратегия, стратегия в конфликте), базирующаяся на необходимости достичь указанной цели за счет минимального использования ресурсов страны-агрессора. В этом смысле логическая связка между понятиями «стратегия», «суверенитет» и «гибридность» может быть представлена в рамках триадического подхода, то есть в виде триады, а сопряжение указанных понятий позволяет выйти на определение ключевой характеристики современного конфликта (войны).

Исходя из вышеизложенного, современные конфликты (войны) — это такие конфликты (войны), которые носят гибридный характер, при этом гибридность выступает в качестве наступательной стратегии, преследующей цель лишения страны-жертвы суверенитета (что в общем отличает гибридную войну от обычной войны, а гибридный конфликт — от обычного конфликта). Таким образом, триадический подход демонстрирует возможность достижения синергетического эффекта в рамках системной триады (Баранцев, 1989) — появления нового качества современных конфликтов (войн), которые реализуются как гибридные и выступают эффективным инструментом захвата, расширения или удержания политической власти. К слову, обозначенные выше три столпа внешней политики государства — интересы, безопасность и престиж — также могут быть рассмотрены в рамках триадического подхода для качественной характеристики внешнеполитической деятельности суверенного государства. При устранении из триады хотя бы одного из элементов можно констатировать либо несостоятельность внешней политики, либо отсутствие реального суверенитета у государства.

В гибридном взаимодействии, в том числе конфликтного характера, особое значение имеет уровень технологического развития взаимодействующих субъектов. Речь прежде всего идет о том, насколько субъекты используют в своей внешнеполитической стратегии

достижения научно-технической революции (НТР) и особенно гуманитарно-технологической революции (ГТР) (Контуры цифровой реальности..., 2018; Малинецкий, Посашков, Скурлягин, 2019). Чем выше уровень технологического развития, тем более глубоким в результате оказывается гибридное воздействие одного субъекта на другой.

Анализируя современные конфликтные взаимодействия (Харитонов, 2024, с. 29–32), наряду с посягательствами на суверенитет в числе веяний времени следует указать и изменения в субъектности при анализе качественных характеристик сторон современных конфликтов. Как показывают исследования Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ) за последние 30 лет, все чаще сторонами конфликта выступают не государства, что было характерно для прежних эпох, а негосударственные игроки (которых государства часто используют как «прокси»). Кроме того, качественно изменилась ситуация и с гражданским населением в зонах конфликтов: если ранее гибель гражданских воспринималась как нежелательные, но неизбежные или сопутствующие потери, то сегодня мирное население все чаще рассматривается как цель воздействия сил и средств наступательных действий (примеры — Донбасс, сектор Газа). Более того, ведется активная работа по легитимации таких способов воздействия на противника (фактически вооруженного насилия), при этом аргументы стран, использующих подобные методы, несостоятельны и все в большей степени напоминают риторику, которую традиционно используют террористические организации для оправдания своих действий ради достижения политических и идеологических целей. В целом на фоне растущей идеологизации международных процессов и активизации в отдельных регионах мира радикальных идеологий, идей и концепций процессы принятия решений относительно способов ведения военных действий также идеологизируются в ущерб соблюдению международного гуманитарного права.

Рассуждая о природе современных конфликтов, нельзя обойти стороной роль

странстве // Российская газета. 08.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/08/chto-budet-posle-status-kvo.html> (дата обращения: 20.01.2024).

информационно-коммуникационных технологий, которые используются повсеместно в рамках реализации различных стратегий и тактик гибридной борьбы. Однако в контексте данной статьи целесообразно указать, в частности, те информационные и пропагандистские эффекты гибридных действий, которые работают на консолидацию и мобилизацию населения стран, используемых как прокси-силы (например, Украина, страны Прибалтики, Польша в гибридной войне США против России). Кроме того, «побочным» эффектом от реализации таких масштабных пропагандистских кампаний является то, что эти страны сами, буквально наперегонки, начинают передавать свой суверенитет в обмен на эфемерные гарантии безопасности, состоятельность которых невозможно проверить в мирное время (в то время как история демонстрирует их полную несостоятельность: например, англо-польский военный союз 1939 г., предполагавший взаимопомощь в случае агрессии «одной из европейских держав», под которой подразумевалась Германия).

Действительно, плата суверенитетом за безопасность независимо от конечного результата возможна лишь при условии общественного консенсуса или полной оторванности политического руководства от общества, что обычно описывается категориями неоколониализма или оккупации. И если еще 10–20 лет назад вопросы, связанные с геополитическими интересами одной сверхдержавы в отсутствие консенсуса на уровне Совета Безопасности ООН, могли решаться с помощью создания «коалиции желающих» (примеры — операции по международному вооруженному вмешательству в Югославии, Ираке, Ливии и др.), действовавших с оглядкой на ООН, то сегодня мы видим стройные ряды стран Запада, выступающих единым фронтом (то есть на базе практически полного консенсуса) против России без оглядки на международное право, в основе которого лежит принцип сохранения мира. Дело в том, что коллективные действия обеспечивают международную легитимность, как это продемонстрировали те самые «коалиции желающих», сформированные США для

реализации собственных внешнеполитических авантур под лозунгами продвижения демократии и/или борьбы с ОМУ-терроризмом и др. Сегодня лозунгом является борьба «просвещенного демократического Запада» против «тирании» и «бесчеловечного зла» («цветущий сад» против «джунглей» в риторике бывшего Верховного представителя Европейского союза (ЕС) по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля⁴ и идеолога американского неоконсерватизма Роберта Кагана (Kagan, 2018)).

Россия в таких условиях вынуждена быстро перестраиваться буквально на всех направлениях, где необходима активность, пусть даже в режиме оборонительных действий. Однако теория ведения гибридных войн у нас традиционно отстает, успехи нашей страны в противоборстве четко определяются на поле боя и в комплексной обороне, включающей ряд мероприятий в экономической, финансовой, гуманитарной сфере, направленных на смягчение последствий от реализации Западом санкционной политики, а также в рамках политико-гражданской мобилизации населения. Как проблему следует рассматривать и отсутствие полноценных союзников России в гибридном конфликте с Западом. Специальная военная операция (СВО) России на Украине показала, что «мягкое союзничество» как подход к обеспечению коллективной безопасности на постсоветском пространстве не принесло ожидаемых результатов. Никаких проявлений коллективного подхода либо коалиционных действий (за исключением ряда шагов Республики Беларусь), которые могли бы в той же степени, что и на Западе, легитимизировать в глазах мирового сообщества действия России по защите своих интересов, мы не увидели. К числу положительных сторон такого подхода с учетом де-факто отсутствия «блоковой дисциплины» оказалось то, что эти объединения продол-

⁴ European Diplomatic Academy: Opening Remarks by High Representative Josep Borrell at the Inauguration of the Pilot Programme // EEAS. October 13, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration-pilot_en (accessed: 20.01.2024).

жают работать в прежнем составе, по крайней мере пока.

Однако при всей сложности ситуации России удалось найти подход к изменению своего позиционирования в иерархии мирополитической системы. Определив себя в разгар СВО в качестве ядра особой цивилизации (Гапизов, Харитонов, 2023), Россия де-факто констатировала наступление эпохи полицентризма и утвердилась в роли международного субъекта, участвующего в формировании глобальной повестки (хотя до этого фактор СВО в российском информационном измерении создал соответствующие условия для восприятия этого заявления во всем мире). Более того, была создана предпосылка к выхолащиванию концепции конфликтного взаимодействия с Россией в ее нынешнем изводе: Запад, будучи цивилизацией («цветущий сад»), борется не с дикарями-людоедами, обладающими второй армией в мире и самым крупным ядерным потенциалом, а с другой цивилизацией. Россия самостоятельно наделила текущий конфликт статусом цивилизационного, а значит, констатировала, что ставка в текущей борьбе максимально высока — это будущее мироустройство и «первый состав» мировых центров силы.

Новые требования к системам коллективной безопасности

Как указывалось выше, атрибутом процесса формирования нового мирового порядка стала череда конфликтов, повлекших территориальные изменения в Европе. Более того, существует точка зрения, что Третья мировая война представляет собой череду региональных конфликтов и войн ниже порога ядерной войны и уже идет полным ходом⁵. Череда вооруженных конфликтов началась в прошлом десятилетии на Ближнем Востоке (Йемен, Сирия), далее продолжилась на Украине (с 2014 г.), на Южном Кавказе (2020 г.) и в Палестине (2023 г.). Очевидно,

⁵ Лукьянов Ф. Нынешняя «Третья мировая война» будет растянутой во времени и распределенной в пространстве // Российская газета. 08.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/08/chto-budet-posle-status-kvo.html> (дата обращения: 20.01.2024).

что этот список далеко не исчерпывающий. Это заставляет экспертов больше внимания уделять региональным процессам, учитывая тот факт, что здесь нет схожих ситуаций, а значит, и нет универсальных рецептов нейтрализации кризисов. Однако в условиях глобализации, которая хотя и замедлила темпы, но все еще остается ключевым фактором развития человеческой цивилизации, несмотря на тенденции глокализации, региональные процессы зачастую оказывают определяющее влияние на общемировую обстановку, в том числе на состояние глобальной безопасности. Так, конфликт в секторе Газа разделит мир надвое — на поддерживающих Израиль и на выступающих на стороне палестинцев. Ранее схожую функцию начал выполнять вооруженный конфликт на Украине. Аналогичный потенциал таит в себе обстановка вокруг Тайваня. В такой ситуации нагрузка на региональные системы коллективной безопасности постоянно возрастает при сужении их реальных возможностей выполнять уставные цели. Ситуация усугубляется тем, что структура конфликтов зачастую определяется гибридными действиями, а сами региональные системы коллективной безопасности становятся объектом гибридной агрессии (Харитонов, 2024, с. 32–35).

Между тем все более обширные дебаты ведутся вокруг будущего ООН. Организация постоянно критикуется, в том числе и по поводу того, что дискуссия в ее стенах давно превратилась в озвучивание позиций. Специалисты признают, что в обозримой перспективе площадки вроде «Большой семерки» не смогут заменить ООН и ее механизмы поддержания мира⁶. Однако ООН может сохраниться, при этом утратив эффективность, как это было с Лигой Наций, или

⁶ См.: Глава Генассамблеи: ООН нечем заменить // Новости ООН. 22.11.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1447022> (дата обращения: 20.01.2024); Иванов И. С. Подлинная многосторонность, основанная на строгом соблюдении Устава ООН и общепризнанных норм международного права, не имеет альтернатив // Российский совет по международным делам. 03.07.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/podlinnaya-mnogostoronnost-osnovannaya-na-strogom-soblyudenii-ustava-onn-i-obshchepriznannykh-norm-m/?sphrase_id=173135562 (дата обращения: 20.01.2024).

наоборот, возродиться, например, когда в ключевых странах население, устав от диктата Запада, приведет к власти новых руководителей, которые будут ориентироваться на национальные интересы и следовать принципам ООН.

Вместе с тем мы наблюдаем создание площадок, которые, не претендуя на роль альтернативы ООН, объединяют страны в форматы, направленные на удовлетворение национальных интересов на региональном уровне в рамках достаточно гибких механизмов взаимодействия, — БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др. Их состав постоянно расширяется, что свидетельствует о востребованности подобных площадок прежде всего со стороны так называемого «мирового большинства», недовольного гегемонистскими амбициями США и немало пострадавшего от гибридных действий Вашингтона (включая, разумеется, санкции), которые давно стали инструментом американской внешней политики. Анализ этих новых форматов показывает, что, например, от Североатлантического альянса и Европейского союза (ЕС), где присутствует явный диктат Вашингтона и жесткая «блоковая дисциплина», их выгодно отличает именно гибкость и сотрудничество на равных. При этом, в отличие от тех же США, странам — участницам новых объединений по-прежнему нужна ООН, и они активно выступают за сохранение ее ключевой роли в обеспечении международной безопасности.

Международная обстановка, свидетельствующая о смене эпох, сопровождается крахом ключевых форматов поддержания стабильности в мире и в конкретных регионах. Приостановка диалога между Россией и США по стратегической стабильности, а также окончание эпохи Договора об обычных вооруженных силах в Европе опять же автоматически формируют новую повестку для региональных систем безопасности. Способны ли существующие системы справиться с такими вызовами?

К сожалению, необходимо констатировать, во-первых, проблему несоответствия меняющейся природы конфликтов (прежде всего их продолжающаяся гибридизация) при

отсутствии серьезных изменений в базовых принципах существования международных организаций и устаревание категориального аппарата и дефиниций, используемых в современном международном праве. Во-вторых, в этой связи необходимо подчеркнуть, что в новой системе международных отношений, очевидно, продолжают функционировать те организации, которые смогут адаптироваться и справиться с подобными вызовами, а остальные будут заменены новыми организациями, которые будут действовать на иных принципах, в большей степени отвечающих формирующимся реалиям.

Рассуждая о новых условиях существования международных организаций, представляющих системы коллективной безопасности, закономерно возникает вопрос о факторах, объединяющих государства в их составе. Нам известны два основных типа систем коллективной безопасности — союзы, сформированные из стран, представляющих разные культуры и исторические традиции и имеющих неоднозначные представления друг о друге (как правило, ситуативные союзы или временные коалиции для противостояния общему врагу), и союзы, объединяющие близкие по культуре страны, часто имевшие общую историю, политическую традицию и т. д. (долгосрочные союзы, более устойчивые и имеющие более высокий уровень адаптивности). Не исключено, что в обозримом будущем благодаря цивилизационному контексту, столь вовремя актуализированному Россией, появится еще один тип организаций, отражающий становление полицентричного мира, в котором каждый полюс представлен цивилизацией и странами, находящимися в «гравитационном поле» этих цивилизаций (разумеется, в такие организации могут входить страны — представительницы разных цивилизаций, имеющих общие взгляды на безопасность). Представляется, что такой тип организаций может быть более устойчивым. В этом смысле, как отмечает Генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) И.Н. Тасмагамбетов, у систем коллективной безопасности на евразийском пространстве уже есть существенный задел и завидный опыт (Тасмагамбетов, 2024).

С целью определения характеристик систем коллективной безопасности в условиях полицентризма в рамках триадического подхода также целесообразно рассмотреть «сопряжение» феноменов цивилизации, коллективных действий и безопасности. Это позволит выявить необходимые качества систем коллективной безопасности как эффективного способа обеспечения мира и стабильности на планете в рамках новой, полицентричной системы международных отношений. В отличие от реалий однополярного мира, конфликтные отношения большей частью будут классифицироваться как конфликты между цивилизациями, которые позиционируют себя равными друг другу. С одной стороны, это может затруднить поиск взаимоприемлемой основы для выработки универсальных механизмов предупреждения, урегулирования и разрешения конфликтов. С другой стороны, этот поиск может отталкиваться от идеи о том, что безопасность является ресурсом, точнее — самым дорогим ресурсом, и определить место систем коллективной безопасности в распределении этого ресурса, его преумножении и обеспечении его неприкосновенности. Для этого непременно должна произойти адаптация международного права к реалиям, обусловленным широким применением гибридных действий (пересмотр базовых понятий типа «война», «мир», «угроза миру», «агрессия» (Харитонов, 2024, с. 31–32); определение границ цивилизационного суверенитета, куда входит и гуманитарный, информационный суверенитет и др.; проведение четких границ между противоречиями и гибридными конфликтными действиями; совершенствование гуманитарного права с целью защиты гражданского населения в зонах конфликтов, а также права международных организаций и т. д.). В целом должна быть продолжена концептуализация права безопасности в новых исторических условиях с целью исключения возможности актуализации парадигмы отношений «цветущий сад — джунгли», свойственной однополярному миру и неокOLONIALной по своему характеру.

Роль систем коллективной безопасности, оформленных как международные организации,

и здесь должна быть определяющей. Дело не только в том, что коллективные усилия сами по себе более легитимны, нежели односторонние, но еще и в том, что системы коллективной безопасности предлагают решения, выработанные на основе консенсуса.

Наконец, актуализация цивилизационного подхода в анализе международных отношений, и в частности в областях, связанных с деятельностью систем коллективной безопасности, неизбежно приведет к новому видению не только узловых проблем в конфликтологии, но и в целом основ международных отношений в новых геополитических условиях. Так, не исключено появление подхода, в соответствии с которым гегемонистские амбиции любого государства по определению будут рассматриваться как посягательство на суверенитет всех стран мира, суверенитет цивилизаций (концептуализация последнего идет полным ходом) и глобальную безопасность, что автоматически подключает механизмы коллективной безопасности к решению проблемы пресечения подобных амбиций.

Заключение

Итак, рассуждая о природе современных конфликтов, целесообразно указать на ее постоянную трансформацию в сторону гибридизации конфликтных взаимодействий независимо от того, какие понятия для обозначения этих взаимодействий мы используем — «конфликт», «гибридный конфликт», «гибридная война» и др. Анализ совокупности конфликтов переходного периода показывает, что глобальная гибридная война, которая ведется во всем мире усилиями США и их союзников, является по сути стратегией в борьбе против становления полицентричного мира путем внешнего провоцирования асимметричных конфликтов разного типа внутри государств-мишеней, между ними и в зонах их геополитического влияния. То есть США, считая себя мировым гегемоном, ведут агрессивную борьбу за сохранение однополярного мира и порядка, основанного на правилах.

По сути речь идет о противостоянии двух мировоззрений и двух концепций будущего мироустройства, где США выступают за

однополярный универсализированный по американским лекалам мир, основанный на идее исключительности американской нации, а Россия, находящаяся сейчас в авангарде «мирового большинства», — за полицентричный мир, идеологический плюрализм и равенство уникальных цивилизаций. Это противоборство, реализующееся гибридными методами, составляет главное противоречие современных международных отношений и является ключевым фактором, влияющим на состояние систем международной и национальной безопасности современных государств, в частности России. Последнее требует выработки специального инструментария для нейтрализации последствий такого противоборства. Предполагается, что ответы найдутся в рамках цивилизационного подхода, актуализированного Россией в поле практической геополитики в разгар СВО. Россия официально определила себя ядром особой уникальной цивилизации, что предполагает новое качество внешней политики и целый ряд других изменений, которые призваны усилить вес нашей страны на международной арене в полицентричном мире.

Текущие глобальные изменения, сопряженные с повышением конфликтности во всем мире, ставят ребром вопрос о будущем систем коллективной безопасности, которые отнюдь не всегда могут продемонстрировать эффективность в борьбе с современными кризисами. Возможности адаптации к новым условиям и к противодействию кризисам, в основе которых лежат гибридные действия, является одним из главных критериев выживания этих организаций и утверждения их ключевой роли в обеспечении стабильности в рамках нового мироустройства.

Применение триадического подхода с целью определения характеристик современных конфликтов (путем «сопряжения» феноменов стратегии, суверенитета и гибридности) и систем коллективной безопасности в условиях полицентризма (триада «цивилизация — коллективные действия — безопасность») позволило не только определить основные параметры изменений природы современных конфликтов в переходный период и требования к системам коллективной безопасности в новых международно-политических условиях, но и заглянуть за горизонт событий в попытке обозначить контуры новых подходов к анализу международной обстановки с учетом опыта нынешних глобальных потрясений.

Приведенные в статье результаты размышлений о настоящем и будущем конфликтной среды меняющегося мира формируют целый ряд других актуальных вопросов:

— Каковы суть, цели и перспективы «цивилизационного поворота»?

— Какими будут реальные параметры государственного и цивилизационного суверенитета?

— Каковы пределы адаптации существующей системы международного права к новым условиям?

— Как изменится стратегическое мышление отечественных и западных элит в ходе текущего противостояния?

— Как будут трансформироваться инструменты социальной мобилизации? и т. д.

Все обозначенные вопросы требуют тщательного изучения и теоретизации, к этому научное сообщество настойчиво подталкивают нужды политической практики.

Поступила в редакцию / Received: 28.06.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 10.09.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Акулинин В. Н., Епифанова Н. С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, № 36. С. 53–60. EDN: UKTTNH
- Баранцев Р. Г. О тринитарной методологии // Философский век. Альманах. Вып. 7. Между физикой и метафизикой: наука и философия / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. Санкт-Петербург: б/и, 1998. С. 51–61.

- Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза // Системные исследования: методологические проблемы : ежегодник. 1988 / глав. ред. Д. М. Гвишиани. Москва : Наука, 1989. С. 193–209.
- Баранцев Р. Г. Универсальная семантика триадических структур в науке — искусстве — религии // Языки науки — языки искусства / общ. ред., сост. З. Е. Журавлева. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. С. 61–65.
- Бартош А. А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2017.3.20815>; EDN: YRGVON
- Гапизов З. Р., Харитонова Н. И. «Крымский вопрос» и цивилизационные основы внешней политики России в условиях глобальной гибридной войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4. С. 112–120. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-112-120>; EDN: JRUANJ
- Козырев Г. И. Война как политический феномен // Социология. 2013. № 2. С. 118–127. EDN: RCFORJ
- Контурсы цифровой реальности : гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. В. В. Иванова, Г. Г. Малинецкого, С. Н. Сиренко. Москва : Ленанд, 2018. EDN: IQZAQM
- Кучинская М. Е. Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6. С. 122–143. EDN: YUVIGT
- Лещев Е. Н., Харитонова Н. И. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 6. С. 132–142. EDN: XTDQRL
- Максимов А. С. Национальная безопасность России в условиях гибридной войны // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты : сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.) / под ред. П. А. Меркулова, О. В. Малаховой. Орел : Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2021. С. 169–172. EDN: ZXHGHN
- Малинецкий Г. Г., Посаишков С. А., Скурлягин А. А. Гуманитарно-технологическая революция, кризис совети, риски и проекты будущего // Стратегические приоритеты. 2019. № 1. С. 48–76. EDN: RWCGPW
- Попов П. В. Государственно-целевой подход к концепции гибридной войны // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 4. С. 51–53. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0008>; EDN: PSDKDJ
- Соколова С. Н. Риски и угрозы гибридных войн в современном обществе: парадоксы реальности // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. № 2. С. 35–40. EDN: ZWGTRF
- Тасмагамбетов И. Н. ОДКБ: неизменные приоритеты в условиях меняющегося миропорядка // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 18–27. EDN: CFEXTL
- Тиханычев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.30256>; EDN: JFAPXZ
- Харитонова Н. И. ОДКБ и проблема гибридных войн // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 28–37. EDN: PWHGEV
- Чижевский Я. А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. № 2. С. 269–283. EDN: WCJRLD
- Hoffman F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, Virginia : Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
- Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996.
- Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / ed. by W. Murray, P. R. Mansoor. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139199254>
- Kagan R. The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World. New York : Alfred A. Knopf, 2018.
- Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge : Polity Press, 2012.
- Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. New York : Oxford University Press, 2009.
- Van Creveld M. The Transformation of War. New York : The Free Press Publishing, 1991.

Сведения об авторе:

Харитонова Наталья Ивановна — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет; eLibrary SPIN-код: 6491-4442; ORCID: 0000-0002-7980-6562; e-mail: natahari@yandex.ru